

*Остапова Елена Васильевна,
доцент кафедры коми филологии,
финно-угроведения и регионоведения
СГУ им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар
ost-1966@yandex.ru*

**Языковые особенности перевода на русский язык дилогии
В. Савина «Райын» / «В раю» и «Инасьтём лов» /
«Неприкаянная душа»**

Аннотация. В статье рассматривается перевод на русский язык дилогии В. Савина «Райын» / «В раю» и «Инасьтём лов» / «Неприкаянная душа». Анализ экспрессивной лексики оригинала и перевода позволил предположить, что переводной текст, осуществлённый в начале 80-х гг. XX века И. Рыжиковым, больше предназначен для индивидуального чтения, ознакомления с творчеством талантливого коми поэта и драматурга, в то время как произведение Нёбдинса Виттора, созданное в начале 20-х гг. XX века, предназначено для совместного действия зрителей и актёров, объединяющего народ коми.

Ключевые слова: В. Савин, пьеса, перевод, коми язык, русский язык.

*Elena V. Ostapova,
Associate Professor of the Department
of Komi Philology,
Finno-Ugric and Regional Studies
of Syktyvkar State University
ost-1966@yandex.ru*

**Language peculiarities of Russian translation of dilogy by V. Savin
“Rayin” / “In Paradise” and “Inastum Lov” / “Restless Soul”**

Summary. The article deals with the Russian translation of the dilogy of V. Savin “Rayin” / “In Paradise” and “Inastum Lov” / “Restless Soul”. An analysis of the expressive vocabulary of the original and the translation suggested that the translated text was carried out in the early 80s. XX century

I. Ryzhikov, more intended for individual reading, acquaintance with the work of a talented Komi poet and playwright, while the work of Nebdins Vittor, created in the early 20s. XX century, intended for the joint action of the audience and actors, uniting the Komi people.

Key words: V. Savin, play, translation, Komi language, Russian.

В российской науке начиная с 1990-х гг. проводится работа по переосмыслению классического наследия отечественной литературы. В Республике Коми по творчеству талантливого поэта и писателя начала XX века, основоположника коми драматургии и театра В.А. Савина проводятся конференции, издаются сборники трудов. В фокусе внимания исследователей – лирика, драматургия, проза автора, его общественно-политическая деятельность. В то же время на сегодняшний день крайне мало внимания уделено переводным драматургическим произведениям В. Савина. Между тем, насущная необходимость разработки данной темы продиктована языковой, культурно-образовательной ситуацией, сложившейся в российском обществе.

На сегодняшний день в книге «Звени, моя парма» (1983) опубликованы четыре драматических произведения Нёбдінса Виттора, В.А. Савина, переведённые на русский язык И. Рыжиковым: «Кулёмдінса бунт» / «Бунт в Усть-Куломе», «Райын» / «В раю», «Инасьтём лов» / «Неприкаянная душа», «Шонді петігён дзоридз косьмис» / «При восходе солнца цветок увял». Для перевода выбраны самые лучшие пьесы автора, давно вошедшие в школьные программы по коми литературе (в том числе переводной), в течение десятилетий время от времени появляющиеся в репертуаре коми театра.

В настоящее время ключевым понятием в исследовании разножанровых произведений Нёбдінса Виттора является понятие карнавальности. Об этом пишут В.А. Лимерова, Г.К. Лисовская. Наиболее подробно данная тема в отношении драматургии автора разработана в статье Н.В. Гориновой «К вопросу о карнавальном начале в дилогии В. Савина «Инасьтём лов» (неприкаянная душа)»: «Произведение В. Савина проникнуто пафосом смен и обновлений, пронизывающий его карнавальный дух стремится разрушить сложившиеся стереотипы, взорвать существующий мёртвый порядок, внести обновляющую стихию в старый, казалось бы, неизблемый и незавершённый мир. Главное действующее лицо дилогии – недавно умерший и разгуливающий

по раю и аду коми крестьянин Сюзь Матвей, – носитель карнавального начала, шут, ему присущи искромётный юмор, ирония. Его поведение носит разрушительный характер, он нарушает все возможные законы и правила внеземной жизни» (Горина 2014: 35). По нашему мнению, принцип карнавальности наиболее полно воплощается в языке произведения, речи персонажей. На особую роль эмотивной лексики в создании языковой экспрессии в пьесах В. Савина указывается в работе В.М. Лудыковой «Нёбдінса Виттор пьесааясын экспрессия» / «Экспрессия в пьесах Нёбдінса Виттора» (Лудыкова 2014: 55–62). Ярким примером этому являются монологи Сюзь Матвея и его диалоги с персонажамирая и ада в диалогии В. Савина «Райын» / «В раю» и «Инасьтём лов» / «Неприкаянная душа». С данной точки зрения можно рассмотреть монолог Сюзь Матвея, Матвея Сова, стоящего перед воротамирая. «Исключая русизмы, большинство из которых укоренено в языке коми, герой В. Савина произносит монолог, полный эмоций, удивления, недовольства, восхищения, сомнения, сожаления, надежды, жалоб, обиды, стеснения, великодушия, удовлетворения, робости, уверенности, гордости, недоумения, осуждения, прощения, радости <...> – и всё это – в одном абзаце с самого начала второго действия комедии <...> Уже с самых первых фраз самого первого появления героя комедии мы оказались в гуще человеческих чувств, владеющих им почти во всём многообразии, возможном в этих обстоятельствах. Это неожиданно и покоряет. Это говорит об авторском (и героя) полнокровном восприятии жизни, о готовности и умении выразить обуревающие их чувства точно и тонко, образно, интонационно богато. А значит, сразу раскрывает главные качества характера героя. Более того, в первом монологе Матвея – не только благодатная для артиста, исполняющего его роль, комедийная стихия, но и серьёзная драма разлученного с родиной и семьёй человека, осознающего утрату, но ещё надеющегося, что это не навсегда» (Лагышева 2005: 5–6). В данном монологе значимыми, выполняющими роль эмоционального заряда во взаимодействии со зрителем, являются вводные слова, маркированные взрывными звуками «т», «тр» и «р»: «Аттö, зонмö», «ермаканьд», «трусъд», «трасича» означающие сетование, оплошность, досаду и т.д. Заметим, что они встречаются на протяжении всего текста. Приведём несколько примеров из монолога Сюзь Матвея.

«Раяд нинöмысь нин повны... **Аттö, зонмö!**.. Кыдзкö тай воан жö со райöдз, **ермаканьд!**.. (*Гöлöс кöнкö кылö: «Эн ёрчы, Матвей!»*)

Но?! Кодкӧ нӧ шыасис, кылӧ, али мый?.. Кодкӧ тай вӧлӧм кывзысьӧ, **трустыд!**.. (Гӧлӧс: «Эн ёрчы, Матвей!»). Матвей эв сюся гӧгӧр вид-зӧдӧлӧ)» (Савин 1982: 72).

«А в рай... чего бояться?.. Ну и **диво!** Попал всё-таки в рай... (Слышится голос: «Не ругайся, Матвей!»)» (Савин 1983: 163).

«Му вылад велалӧ ёрчыны да танӧ телепит... Дыр-ӧ нӧ мянлы прӧступитчыныыд? Он и тӧдлы ёртчыштчыяс... Кулігӧн тай сідз жӧ: Марпа видзӧдӧ менсьым лов петӧм да лӧк ногӧн мыйкӧ лӧвтӧ, а ме думсь сӧтка да матька сы вылӧ. Кӧсья эськӧ шуны сылы: **«Тупкы, мися, Марпа, вомтӧ, трасича, да...»** (Гӧлӧс: «Эн ёрчы, Матвей!»)» (Савин 1983: 73)

«На земле ругался и здесь невтерпѣж. Не мудрено и оступиться, не заметишь, как выскочит нехорошее слово. Вот и перед смертушкой приключилось: сидит Марфа рядышком и ждѣт. Когда отдам богу душу; плачет, стонет, а я про себя ругаюсь и сил нету, а хочется сказать ей: **«Да перестань ныть, Марфа, надоело...»** (Голос: «Не ругайся, Матвей!»)» (Савин 1983: 1630).

«Сигудӧк кындзи, нинӧм, **трасичаыд**, абу пуктӧма! (Гӧлӧс: «Эн ёрчы, Матвей!») Со! (Гораджька пыр) Лои жӧ тӧян танӧ ёрчӧмысь ӧлӧдӧм!.. Траскӧмыд ӧд абу на **сӧткӧм** либӧ **матькӧм**. Вывтӧ жӧ тай тӧ **ерепенитчанныд**» (Савин 1982: 73) .

«Кроме сигудка ничего не положила, будь она неладна! (Голос: «Матвей. Не ругайся!»). Ну и ну! (Громко) Не успел в рай попасть, а у дверей уже одѣргивают – не ругайся, мол! Да я не **чертыхаюсь** и не **матюгаюсь**. Слишком здесь **щепетильные**» (Савин 1983: 164).

Остались непереведѣнными выражения «аттӧ, зонмӧ», «трустыд», «трасича», «ерӧмакань». Опущение вышеназванной экспрессивно-оценочной лексики в переводе привело к достаточно ощутимой эмоциональной нейтрализации всего текста на русском языке. Кроме этого, настоятельная просьба ангела «Не ругайся!» выглядит надуманной, так как именно вышеназванные слова воспринимаются им не только как несоответствующие «правилам проживания» в рай, но и «ругательными». Данная же лексика, будучи узнаваемой зрителем, словно устанавливает связь между происходящим на сцене и жизнью, между персонажем и зрителем. Для перевода на русский язык необходимо найти эквиваленты приведѣнным выше коми выражениям, при этом необязательно дать соответствие словарное, а скорее – соответствие эмоциональное, такие

устойчивые русские выражения, которые вызывали бы у зрителя соответствующий живой отклик. Есть и другой путь решения – оставить выражения непереверждёнными, но не опускать их в речи героя. Словесный текст в данном случае целенаправленно ориентируется на слушателя, устная речь рассчитана на ясное понимание, «мгновенное» восприятие, на живые действенные интонации.

Для многих произведений Нёбдинса Виттора характерно явление собственно интертекстуальности, образующей конструкции «текст в тексте», при которой, как пишет Н. А. Фатеева, «цитата активно нацелена на «выпуклую радость узнавания» (Фатеева 2000: 122). В тексте рассматриваемой дилогии встречаются цитаты с точной атрибуцией и тождественным воспроизведением образца, например, чтение «Псалтири» на русском языке, религиозная риторика попа и дьяка. Данные вкрапления в тексте и персонажами, и зрителем (читателем) воспринимаются, с одной стороны, привычно, с другой стороны, здесь возникает стилистическая и языковая оппозиция «своё – чужое». В переводе на русский язык стилистическая оппозиция сохранена, а языковая стёрта. В то же время, как справедливо отмечают многие исследователи, проявление самосознания, в том числе языкового, наиболее обостряется в ситуации «своё – чужое». На протяжении всего действия первой части дилогии «Райын» главным героем исполняются коми народные песни «Шондїбаной оломой», «Рытъя шу кадö матушка», «Ме кö петі рытйысьны да», а также импровизации по мотивам данных песен. Как известно, «Шондїбаной оломой» / «Солнцеликая жизнь» обратила на себя внимание собирателей еще в начале 1900-х годов. Как пишут исследователи, «пожалуй, ни одной песне не «повезло» так, как «Солнцеликой жизни». В период с 1901 по 1916 гг. Вихман, Фукс, Цембер, Лях записали около двадцати ее вариантов, то есть почти столько же, сколько всех остальных песен этого типа. «Солнцеликая жизнь» и сегодня является самой популярной песней коми. Пели и поют ее по любому поводу под гармошку, сигудок, чипсан, брунган» (Микушев 1979: 153). Без преувеличения можно сказать, что песня «Шондїбаной оломой» является хранителем коллективной памяти народа коми, её мелодия и слова затрагивают самые глубинные душевные струны и в наше время. Такое же воздействие на души зрителей должна иметь песня в переводном русском тексте пьесы. По всей видимости, это должна быть либо русская народная песня, либо оригинал коми песни с отличным переводом.

«У каждого текста есть своя структура и контекст, которые во многом определяют масштаб его воздействия в «собрании сочинений» культуры. Значение некоторых из них столь велико и достигает таких глубин и далей, что их можно назвать стволовыми текстами культуры <...> Стволовой текст – это своеобразная опора, стволовые тексты расположены в центре, в средоточии некоего культурологического идентитета» (Вейдеманн 2007:119–120). Время показало, что, как и коми народная песня «Шондїбаной оломой», так и диалогия Нёбдінса Витора «Райын» и «Инасьтём лов» стали ключевыми, стволовыми текстами коми культуры. И это обязательно нужно учитывать при переводе.

В нашей работе мы заострили внимание на двух существенных, пороговых, с точки зрения перевода, моментах воссоздания текста В. А. Савина на русском языке: передача эмоционально-экспрессивной лексики и конструкций «текст в тексте». Переводческая проблематика, конечно же, данными факторами, не ограничивается. Так, для осуществления адекватного перевода необходим скрупулёзный предпереводческий анализ языка произведений В. Савина, включая ритмико-интонационную структуру речи персонажей и диалоговый ритм текста; поиск лирического начала его драматургии; определение зрительской (читательской) рецепции в оппозиции «своё-чужое» в интертекстуальных связях произведения.

На сегодняшний день можно предположить, что переводной текст, осуществлённый в начале 80-х гг. XX века И. Рыжиковым, больше предназначен для индивидуального чтения, ознакомления с творчеством талантливого коми поэта и драматурга. В то время как произведение Нёбдінса Витора, созданное в начале 20-х гг. XX века, предназначено для совместного действия зрителей и актёров, объединяющего народ коми.

Литература

1. Вейдеманн Р. Коллоквиум по эстонской литературе / Пер. с эст. М. Тервонен. Таллинн: Изд-во «КПД», 2007. – 168 с.
2. Горинова Н. В. К вопросу о карнавальном начале диалогии В. Савина «Инасьтём лов» (Неприкаянная душа) // Художественный опыт литератур финно-угорских народов: общее и особенное. Сб. статей по итогам Всероссийской научной конференции (с международным участием) (Сыктывкар, 21–22 ноября 2013 г.). Сыктывкар, 2014. – С.34–39.
3. Латышева В. А. Драма героя в комедии В. Савина // III Савинские чте-

ния: Материалы республиканской научно-практической конференции (Сыктывкар, 20–21 ноября 2003 г.). Сыктывкар, 2005. – С. 5–12.

4. Лудыкова В. М. Нёбдінса Виттор пьесаысын экспрессия // Художественный опыт литератур финно-угорских народов: общее и особенное. Сб. статей по итогам Всероссийской научной конференции (с международным участием) (Сыктывкар, 21–22 ноября 2013 г.). Сыктывкар, 2014. – С.55–62.

5. Микушев А. К., Рочев Ю. Г. Лирические песни // История коми литературы. Том 1. Фольклор / Отв. ред. А. К. Микушев. Коми кн. изд-во, 1979. С. – 134–155.

6. Савин В. А. Нёбдінса Виттор. Вабергач. Пьесаыя. Лёсьодіс да примечаниеясё гижис Г. И. Торлопов. Водзкывсё гижис А. Е. Ванеев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1982. – 368 л.б.

7. Савин В. А. Звени, моя парма. Стихотворения, поэмы, пьесы, рассказы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 256 с.

8. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. – 280 с.